

и составлении полного списка анатомических коллекций, принадлежащих Музею [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. № 51. Л. 71]. Анатомическое собрание, включающее и первые коллекции Кунсткамеры императорской Академии наук XVIII в., не покинуло ни своих исторических стен, ни своего исторического владельца.

Е.С. Соболева

ПЕРВЫЕ ГОДЫ БЕЗ РАДЛОВА: МАЭ в 1918–1922 гг.

Академик Василий Васильевич Радлов (1837–1918) заложил основы деятельности целого ряда музеев. Первый опыт в этом плане он приобрел как директор академического Азиатского музея (1885–1890). 16 марта 1894 г. В.В. Радлов вступил в заведование академическим Музеем по антропологии и этнографии (далее — МАЭ). К этому времени он имел высокую репутацию полевого и кабинетного ученого, специалиста в области востоковедения, филологии и языковедения, в 1884 г. был избран ординарным академиком Императорской Академии наук (далее — ИАН) по части истории и древностей азиатских народов. Его организационные таланты проявились в серии археологических и этнографических экспедиций, в которых работали квалифицированные сотрудники. В 1872 г. он создавал систему татарских школ в Казанском учебном округе. Одновременно он составлял и распространял инструкции по собиранию [Радлов 1895] и регистрации коллекций [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1916. Ед.хр. 163. Л. 390–393 об], которые стали базовыми для многих провинциальных российских музеев.

Очевидно, МАЭ предоставил ему ту форму деятельности, в которой нашли наиболее полное воплощение опыт, интересы и планы В.В. Радлова. Все 24 года директорства (1894–1918) он неустанно искал способы фиксации и показа традиционной культуры, адаптировал достижения современного ему мирового опыта, находил способы реализовать задуманное, решая множество организационных проблем и неустанно разъясняя и пропагандируя величественные задачи, которые он ставил перед МАЭ — наследником первого музея России — Кунсткамеры.

В.В. Радлов фактически сумел объединить три самостоятельных музея (отдел физической антропологии, отдел доисторической археологии, отдел общей этнографии) и превратить вверенный ему музей в передовое научное учреждение. Он приглашал на работу специалистов и добивался для них достойного жалования и служебного жилья, организовывал планомерный сбор экспонатов, их учет и регистрацию, наладил систему публикации результатов научных исследований, привлек к музейной жизни влиятельных лиц (в 1907 г. при МАЭ создан Попечительный совет), а также многочисленных корреспондентов из разных стран (вклад которых, впрочем, пока оценен недостаточно).

Этапы становления В.В. Радлова как музейного директора демонстрируют его стратегический и тактический таланты, в которых выразился его опыт академического ученого и практического полевого исследователя. Сам В.В. Радлов признавал, что за первые 22 года директорства он сумел значительно расширить МАЭ (пристройка к музейному флигелю со стороны Зоологического музея, затем — надстройка третьего этажа и нового флигеля во дворе).

Только за 1894–1914 гг. фонды МАЭ увеличились почти на 100 тыс. предметов, и все новые поступления были научно каталогизированы [Императорская Академия наук 1917]. Признав приоритетными сборы экспонатов в России, он добивался передачи в МАЭ профильных коллекций из других музеев, с выставок и пр. Экспозиционные площади МАЭ выросли в четыре раза [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1916. Ед.хр. 8. Л. 27]. Эти достижения В.В. Радлова его соратники подчеркивали особо [Музей антропологии и этнографии... 1907].

Как организатор науки В.В. Радлов был постоянно востребован. Он в разные годы избирался председателем Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, Общества изучения Сибири и улучшения быта ее народов. Он был активным членом Общества русских ориенталистов, Императорского Русского географического общества, Императорского общества востоковедения, Лингвистической комиссии. Его избирали в Комиссию по управлению Типографией ИАН (1903), в Комиссию по разграничению в будущем сфер деятельности этнографического отдела Музея Императора Александра III и состоящего при Императорской Академии наук Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого (1904), в Комиссию по вопросу об упорядочении академических изданий (1906), в Комиссию по вопросу о постройке новых академических зданий (1907), в Комиссию для разработки вопроса об увековечении места кончины блаженный памяти Императора Петра Великого (1912). Как председатель Комиссии дирек-

торов академических музеев он был инициатором типового Устава Попечительных советов для публичных музеев Академии наук (1906).

Благодаря планомерным усилиям В.В. Радлова МАЭ получил имя Императора Петра Великого (1902), что сразу повысило его статус и привлекало дополнительные вложения. По примеру Зоологического музея была введена плата за посещение МАЭ (1903). В надстроенном этаже музейного флигеля была развернута Галерея Императора Петра Великого. Когда 5 марта 1914 г. МАЭ посетил император Николай II, он одобрил план передачи музею здания бывшей Кунсткамеры после того, как оттуда выедет Библиотека Академии наук. Отметим, что примеру МАЭ следовали другие академические музеи. В 1903 г. Геологический музей также получил имя Императора Петра Великого.

С началом Первой мировой войны В.В. Радлову пришлось решать и совсем иные задачи. К тому времени он сумел наладить систему масштабных музейных работ: обустройство здания, меблировку помещений, планирование и оформление будущего музея; расширение штатов, подготовку и повышение квалификации персонала; обмен коллекциями и совместные экспедиции в международном масштабе; издательскую деятельность; разработку мероприятий по приему и экскурсионному обслуживанию групп посетителей, прежде всего школьных; помощь другим учреждениям, изготовление реплик и муляжей предметов и пр.

С переводом страны на военное положение бюджет ИАН был пересмотрен, на местах корреспонденты уже не имели возможностей продолжать сбор коллекций для МАЭ, резко сократился приток средств от членов Попечительного совета. Многие экспедиции пришлось отменить, доставка из-за границы уже приобретенных музеем материалов была запрещена, и надо было договариваться о сохранении их за рубежом до конца войны. В.В. Радлов хлопотал о выделении угля и дров для отопления Музея, безакцизного спирта «для обработки деревянных буддийских древностей в отделе турфанских древностей», керосина, голубого мыла, стеариновых свечей, формалина, нафталина, камфары, русского скипидара для дезинфекции коллекций, а для служащих — сахара, чая, «одежного продовольствия».

15 мая 1917 г. Комиссия директоров и представителей служебного персонала научных учреждений приняла Основные положения о порядке управления научными учреждениями Академии. В состав каждого Совета входили директор учреждения (в качестве председателя) и все лица научного персонала, состоящие в штате [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1917. Ед.хр. 164. Л. 112].

В.В. Радлов принимал меры к дополнительной охране научного имущества Академии, особенно Русского нумизматического кабинета [Там же. Л. 443 об.]. 2 сентября 1917 г. встал вопрос о частичной эвакуации учреждений РАН (11 июля 1917 г. ИАН постановлением Временного правительства была переименована в Российскую академию наук, или РАН [Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед.хр. 71. Л. 18]) из Петрограда ввиду опасности наступления германских войск.

Президент РАН академик А.П. Карпинский предложил «немедленно образовать из директоров Музеев и членов Конференции, которые того пожелают, Комиссию по вопросу об эвакуации учреждений Академии из Петрограда». Директор Исторического музея в Москве предложил Академии воспользоваться помещением его музея для складирования ящиков с научными собраниями [Там же. Ф. 1. Оп. 1 а — 1917. Ед.хр. 164. Л. 126].

Обсудив всесторонне этот вопрос, персонал МАЭ отказался от эвакуации, указав, что «для охраны и безопасности коллекций Музея должны быть теперь же приняты все необходимые меры с неременным условием, чтобы все служащие оставались при вверенных им отделах» [Там же. Л. 126 об.].

В эти годы МАЭ понес серьезные потери: сотрудники умирали, отправлялись на фронт; голод, холод, болезни заставляли людей покидать Петроград. В.В. Радлов отправлял на места свидетельства о принадлежности конкретных лиц к МАЭ, вызывал командированных из экспедиций обратно в Петроград (с сохранением за ними жалования), хлопотал о документах на проезд и провоз научных материалов (дневников, коллекций), добивался причисления нуждающихся ученых к МАЭ сверхштатно и пр.

12 мая (29 апреля по ст. стилю) 1918 г. ординарный академик Василий Васильевич Радлов скончался в Петрограде на 83 году жизни и был похоронен на Смоленском кладбище (в лютеранской его части). Это была великая потеря для МАЭ и для РАН. Некролог, подписанный неременным секретарем РАН С.Ф. Ольденбургом, поместили в «Известиях» Академии; портрет В.В. Радлова отпечатало академическое «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» (за 450 руб.) [Там же. Оп. 1 а — 1918. Ед.хр. 163. Л. 83 об.].

20 мая 1918 г. состоялось чрезвычайное заседание ученого персонала МАЭ (председатель Л.Я. Штернберг, секретарь Э.К. Пекарский). Присутствовали К.К. Гильзен, С.М. Дудин, И.И. Зарубин, В.И. Иохельсон, В.М. Лемешевский, Е.Л. Петри, Е.М. Романова, С.А. Штернберг. По

болезни отсутствовал А.И. Иванов, а Е.М. Кубиш и Б.Э. Петри находились за пределами Петрограда.

Была оглашена «Записка» В.В. Радлова об образовании Государственного Музея антропологии, этнографии и археологии, в котором сосредоточились бы все имевшиеся в Петрограде антропологические, этнографические и археологические коллекции. (В сентябре 1917 г. В.В. Радлов вел с Комиссаром по делам бывшего Министерства Двора переговоры по запросу об отношениях этнографических музеев в Петрограде — Александра III и Академического, стал членом новой Комиссии [Там же. Оп. 1 а — 1917. Ед.хр. 164. Л. 481 об.]). Совет МАЭ просил в течение года траура не назначать нового директора, но «избрать из своей среды лицо врио зав. Музеем» [Там же. Оп. 1 а — 1918. Ед.хр. 165. Л. 407 об. — 410], им стал Л.Я. Штернберг.

Для выяснения вопроса, связанного с дальнейшей организацией Музея, была образована Комиссия под председательством непременно секретаря РАН С.Ф. Ольденбурга в составе академиков В.В. Латышева, А.С. Лаппо-Данилевского, М.А. Дьяконова, Н.Я. Марра, В.В. Бартольда, М.И. Ростовцева [Там же. Л. 397 об.].

Директор Азиатского музея С.Ф. Ольденбург инициировал приобретение книг и рукописей из библиотеки В.В. Радлова [Там же. Л. 446]. Собрание книг и журналов от Александра Васильевича Радлова принял ученый хранитель МАЭ Э.К. Пекарский, и 28 ноября 1918 г. из сумм МАЭ были на это ассигнованы 6 тыс. руб. [Там же. Ф. 4. Оп. 2 (1918). Ед.хр. 17. Л. 79–82].

29 января 1919 г. составленную А.Н. Самойловичем «Опись бумаг В.В. Радлова, поступивших в Азиатский музей РАН» (на французском языке), постановили опубликовать в «Известиях» РАН [Там же. Ф. 1. Оп. 1 а — 1919. Ед.хр. 166. Л. 249 об.]. 27 августа 1919 г. дополнительно были приобретены для издания рукописи В.В. Радлова словарного и грамматического характера за 3 тыс. руб. из сумм Азиатского музея [Там же. Л. 278 об.].

Председатель Комиссии по управлению МАЭ академик В.В. Бартольд многое сделал для увековечения памяти В.В. Радлова. В июле 1918 г. был заказан его гипсовый бюст (за 80 руб.) [Там же. Ф. 4. Оп. 2 (1918). Ед.хр. 17. Л. 50 об.]. За раму для портрета Е.М. Романова 14 мая 1919 г. заплатила 75 руб. [Там же. Оп. 2 (1919). Ед.хр. 20. Л. 33 об.]. 30 июля 1919 г. у И. Радловой была приобретена кабинетная обстановка для памятного отдела В.В. Радлова, состоящая из письменного стола, кресла, дивана, двух кресел, шести полукресел и одной этажерки (вертушки для книг) за 5 тыс. руб. [Там же. Л. 62 а — об.].

Для Азиатского музея 27 августа 1919 г., а 2 сентября 1919 г. для МАЭ были приобретены «по писанному масляными красками портрету покойного академика В.В. Радлова за 1 тыс. руб. каждый» [Там же. Л. 44.]. Это была значительная сумма: аванс МАЭ в сентябре 1919 г. составлял 5 тыс. руб. [Там же. Л. 61 об.].

В.В. Бартольд следовал примеру Радлова: в 1918 г. он сумел добиться казенного жилья для Э.К. Пекарского (фактического работавшего в МАЭ с 1911 г.), перевоза коллекции Э.Э. Ухтомского из Царского Села, у сотрудников покупали вещи для МАЭ.

Показательно обращение 28 октября 1918 г. в Центральную продовольственную управу, в котором говорилось, что две трети сотрудников МАЭ — лица пожилого возраста, имеющие большие семьи. Персонал и младшие служащие составляли 19 чел., но с членами семей всего при МАЭ проживало 64 чел. в условиях недоедания и смертности, обостренных тяжелыми условиями работы в МАЭ («атмосфера насыщена формалином и нафталином»). Для них просили выделить продукты питания (шоколад, сгущенное молоко, рис, макароны, крупу, муку и пр.), чтобы распределить их «на коммунальных началах по степени нуждаемости и болезненности» [Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед.хр. 73. Л. 135–136]. На 9 июня 1919 г. в МАЭ числилось мужчин 18–50 лет — пять, старше 51 года — восемь; женщин 18–40 лет — пять, старше 41 года — три [Там же. Л. 199, 201]. По распоряжению Комиссариата народного просвещения Музей был открыт для публики.

Семья А.В. Радлова (пять человек) проживала по адресу 7 линия В.О., дом 2/1, кв. 5. Квартира состояла из шести комнат, в т.ч. двух проходных и одной угловой. Осенью 1919 г. туда вселились Л.Я. Штернберг с семьей (имевший право на две комнаты) и служащая канцелярии Правления гр. Бабицына с матерью. 9 мая 1923 г. Л.Я. Штернберг просил Правление РАН подыскать ей другое помещение, ибо она — «ущерб для моих научных занятий», а квартиру «признать не подлежащей вселению других лиц» [Там же. Ф. 4. Оп. 2 (1923). Ед.хр. 19. Л. 35].

В МАЭ был образован кружок «Радловские вечера», заседания которого с 1919 г. проводились по воскресеньям. Председательствовал В.В. Бартольд [Там же. Ф. 1. Оп. 1 а–1918. Ед.хр. 165. Л. 484 об.]. 8 сентября 1922 г. был утвержден устав Научного кружка им. В.В. Радлова [Там же. Оп. 1 а — 1922. Ед.хр. 170. Л. 228 об. — 229]. 9 октября 1922 г. на три года председателем Кружка был избран В.В. Бартольд, секретарем — С.М. Дудин, членами правления — Б.Я. Владимирцов, А.Н. Самойлович, Л.Я. Штернберг, кандидатами — И.И. Зарубин, Е.Ф. Карский [Там же. Л. 232]. Программы заседаний были весьма разнообразны; так,

12 ноября 1924 г. в МАЭ настраивали рояль для заседаний Радловского кружка [Там же. Ф. 4. Оп. 2 (1924). Ед.хр. 25. Л. 203].

В.В. Бартольд предложил подготовить к печати труд В.В. Радлова «Aus Sibirien», выделив для этого в ноябре 1918 г. 5 тыс. руб. Первый том начала переводить с немецкого Е.Л. Петри [Там же. Ф. 1. Оп. 1 а — 1918. Ед.хр. 165. Л. 484 об.], в 1921–1922 гг. продолжила В.А. Эдельштейн (без аванса) [Там же. Оп. 1 а — 1921. Ед.хр. 169. Л. 253 об.]. Перевод сочли заказанным Академией и оплатили по государственному тарифу [Там же. Оп. 1 а — 1922. Ед.хр. 170. Л. 219].

27 апреля 1921 г. академик В.В. Бартольд был избран директором МАЭ [Там же. Оп. 1 а — 1921. Ед.хр. 169. Л. 231]. Но серьезные конфликты с Л.Я. Штернбергом вынудили его 12 сентября 1921 г. просить освободить его от обязанностей директора МАЭ [Там же. Л. 265 об.] с 1 октября 1921 г. [Там же. Л. 269]. Выборы нового директора МАЭ состоялись 1 ноября 1921 г. в присутствии Президента РАН А.П. Карпинского, академиков Ф.И. Успенского и С.Ф. Платонова, представителей МАЭ Э.К. Пекарского и В.М. Лемешевского. Поскольку С.Ф. Ольденбург баллотироваться отказался, директором МАЭ был единогласно избран Е.Ф. Карский [Там же. Л. 272 об.].

Библиография

Радлов В.В. Инструкция для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства. Сост. академиком В. Радловым. СПб., 1895.

Императорская Академия наук 1889–1914. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч. 1. Пг., 1917.

Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в период 12-летнего управления В.В. Радлова 1894–1906 // *Природа*. 1907. № 925, № 7–9 (Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова 5 января 1907 г.).